

Опубликовано:

Ямсков А.Н. Экологические функции основных компонентов традиционной культуры // Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова. Ред.: Дубова Н.А., Григулевич Н.И., Лопуленко Н.А., Ямсков А.Н. М.: Старый сад, 2004, с. 36-60

А.Н. Ямсков

Экологические функции основных компонентов традиционной культуры

Успешное развитие любой области знаний возможно только при условии создания общепринятого или хотя бы общеизвестного понятийно-терминологического аппарата. Данное утверждение представляется особенно справедливым применительно к тем областям исследований, которые возникли относительно недавно и к тому же имеют отчетливый междисциплинарный характер. Несомненно, сказанное полностью относится и к изучению экологических функций культуры в рамках этноэкологических исследований.

Исчерпывающее определение этнической экологии и её исследовательских задач когда-то дал В.И. Козлов¹. Ныне это подход разделяет большинство специалистов². Вместе с тем представляется, что в сфере этноэкологических исследований остались ещё некоторые понятийно-терминологические проблемы, связанные с изучением процессов культурной адаптации.

С. 36

Как известно, благодаря работам Э.С. Маркаряна культура в отечественных социальных науках обычно понимается прежде всего как способ (или средство, механизм) организации человеческой деятельности³, а не только как совокупность духовных и материальных результатов целенаправленной деятельности человека. Благодаря исследованиям Ю.И.

---

¹ Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография (далее - СЭ), 1983, № 1, с. 8; см. также: Козлов В.И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М.: изд-во ИЭА РАН, 1994, с. 65.

² См., например: Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989, с. 11; Прохоров Б.Б. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. М.: изд. МНЭ-ПУ, 2000, с. 315; Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология // Программы по экологическим дисциплинам. Географический ф-т МГПУ. М.: изд. МГПУ, 1999, с. 106-108.

³ Это положение было сформулировано и опубликовано им еще в 1969 г.; см. также - Маркарян Э.С. К общей характеристике культуры и ее жизнеобеспечивающей системы // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования. Ереван: изд. АН АрмССР, 1983, с. 17-19.

Мкртумяна в этнологии также широко распространилось представление о том, что все многообразие духовных (точнее, нематериальных) и материальных (вещественных) явлений культуры, с точки зрения их базовых функций в организации жизни человека и общества, входит в состав всего четырёх основных компонентов традиционной культуры этноса - культуры первичного производства, культуры жизнеобеспечения, соционормативной культуры и гуманитарной культуры⁴. Каждый из этих основных компонентов культуры представлен как материальными, так и нематериальными феноменами.

Последняя точка зрения обрела своё наиболее полное обоснование в работах С.А. Арутюнова или в коллективных исследованиях, подготовленных при его непосредственном участии⁵. Названные авторы и их коллеги солидарно выступили в отношении как содержания предложенных ими понятий, так и используемых терминов.

С. 37

Однако есть веские основания полагать, что в интересах дальнейшего развития этнической экологии было бы весьма целесообразным внести определенные коррективы в содержание некоторых из этих понятий и в ряд терминов⁶.

Так, вместе с Ю.И. Мкртумяном и некоторыми другими авторами, С.А. Арутюнов предпочитает использовать термин “культура жизнеобеспечения” и включает в данное понятие “поселение, жилище, пищу, одежду”⁷. Этот подход по сути прямо воспроизводит классическую для советской этнографии формулу состава “материальной культуры”. Однако, если его использовать для анализа процессов культурной адаптации, то он вызывает сразу несколько существенных возражений.

Во-первых, как справедливо отметил В.И. Козлов⁸, собственно жизнеобеспечение человека, исходя из общего смысла этих слов в русском языке, гораздо шире и не должно сводиться только к указанным элементам культуры. Практически все многообразие материальных и нематериальных явлений культуры так или иначе служит удовлетворению разно-

---

⁴ Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978, с. 44.

⁵ Арутюнов С.А., Мелконян Э.Л. Культура жизнеобеспечения в этнических системах // Культура жизнеобеспечения и этнос ..., с. 53-60; Арутюнов С.А. Культура жизнеобеспечения и ее место в культурной динамике этноса // Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989, с. 200-229.

⁶ Ямсков А.Н. Экологические функции и состав основных компонентов традиционной культуры // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20-23.09.2001 г. Тезисы докладов. М., 2001, с. 204.

⁷ Арутюнов С.А. Культура жизнеобеспечения и ее место ..., с. 202-203.

⁸ Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991, с. 28-29.

образных потребностей жизнеобеспечения человека, ибо последние никак не ограничиваются только лишь потребностями в пище, одежде и крове над головой. Поэтому в данном случае корректнее, видимо, использовать уточненный термин “культура материального жизнеобеспечения”⁹, который более адекватно передает конкретный и достаточно узкий смысл данного понятия.

С. 38

Во-вторых, вспомним, что базовыми и наиболее активно используемыми в этноэкологии терминами являются адаптация и жизнеобеспечение. Этот тезис прямо постулируют В.И. Козлов¹⁰ и И.И. Крупник¹¹, но в их понимании жизнеобеспечение по сути включает в себя как производственную деятельность по обеспечению пищей, так и всю систему питания, обустройство жилища и ещё многое другое. Иными словами, в подобной расширенной и уже принятой в этноэкологии трактовке термин “жизнеобеспечение” имеет существенно иное значение по сравнению с тем, которое С.А. Арутюнов и Ю.И. Мкртумян вкладывают в близкий к нему по звучанию и содержанию термин “культура жизнеобеспечения”, что тоже свидетельствует о неудачном лексическом оформлении последнего.

В-третьих, что гораздо более существенно, само содержание этого понятия в указанной выше трактовке вызывает вопросы. Очевидно, что пища, одежда и жилище выполняют базовые экологические функции обеспечения и регулирования (оптимизации) процессов обмена энергией между человеческим организмом и окружающей средой. Как известно, любое живое существо связано со средой обитания потоками вещества, энергии и информации. Пища служит основным каналом поступления в организм человека энергии, а также веществ, необходимых для постоянно идущего процесса обновления клеток человеческого тела. В то же время экологические функции одежды и жилища сводятся к регулированию прямого теплообмена между организмом человека и окружающей средой. Действительно, одежда на

С. 39

индивидуальном уровне, а жилище на уровне группы людей (обычно семьи) позволяют человеку избегать переохлаждения в холодную погоду либо перегрева - в жаркую. Кроме того,

---

⁹ Ямсков А.Н. Отгонно-пастбищное скотоводство. Опыт этноэкологического и типологического исследования (на примере хозяйства народов Кавказа в конце XIX - начале XX вв.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.: Институт этнографии АН СССР, 1987, с. 8; Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология ..., с. 111.

¹⁰ Козлов В.И. Этническая экология ..., с. 51-52, 70-96.

¹¹ Крупник И.И. Арктическая этноэкология ..., с. 14-17.

жилище часто выполняет еще и функцию обеспечения безопасности от диких зверей или враждебно настроенных людей.

Очевидно, что в этот единый ряд функций обеспечения и регулирования энергетических связей организма человека с окружающей средой, выполняемых пищей, одеждой и жилищем, никак не вписывается поселение. И лишь редкие случаи укрепленных поселений либо особым образом организованных и расположенных стоянок охотничье-собираТЕЛЬских или кочевых скотоводческих групп, создававшихся с целью повысить безопасность их обитателей, сближают функции поселения или стоянки с дополнительными функциями некоторых типов стационарного жилища. Это замечание само по себе ставит под вопрос оправданность включения поселения в рассматриваемый компонент культуры, то есть в материальное жизнеобеспечение.

Кроме того, описываемый подход С.А. Арутюнова, Ю.И. Мкртумяна и их коллег к выделению базовых компонентов культуры игнорирует атрибуцию такой ее важнейшей части, как “культура расселения”. Речь идет о той части культуры, которая определяет, как именно данное сообщество организует использование своей освоенной территории. В случае оседлого населения имеется в виду размещение на ней жилых и хозяйственных построек и планировка усадеб, прокладка дорог и троп между используемыми хозяйственными угодьями, а в случае неоседлого населения - отнюдь не менее сложный комплекс знаний и умений, определяющий практику выбора времени и маршрутов передвижений по освоенной территории и локализации и обустройства на ней временных стоянок. Очевидно, что постоянное “поселение”

С. 40

является лишь частным проявлением этой сферы культуры, характерным только для оседлых или частично оседлых групп населения.

Думается, что следует непременно ввести в состав и обозначение какого-то из этих первичных (базовых) четырех компонентов именно культуру расселения (а не поселение!), определив ее место в одном из них через приоритетные связи с другими элементами культуры, в сумме составляющими данный компонент. Но при таком экологическом подходе оказывается, что культуру расселения надо включать не в культуру материального жизнеобеспечения, а в совсем другой компонент культуры - в тот, что обычно называют культурой первичного производства, но который тоже лучше определить иным термином, например, как “культура природопользования и расселения”¹².

---

¹² Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология ..., с. 111.

О том, что культура расселения, в её представленной выше трактовке, гораздо органичнее связана с хозяйственной деятельностью и природопользованием, чем с жилищем, пищей и одеждой, свидетельствуют следующие аргументы.

Культура расселения прежде всего проявляется как знания и навыки, определяющие локализацию поселений и отдельных хозяйственных построек в пределах освоенной территории и систему планировки поселений и отдельных дворов у оседлого населения, а также систему сезонных перемещений по освоенной территории и локализацию и планировку временных стоянок у неоседлого населения. Очевидно, что, наряду с нематериальными знаниями и навыками, понимаемую таким образом культуру расселения составляют и вполне материальные объекты - постоянные поселения и временные стоянки, которые практически во всех случаях включают в себя не только жилища (будь то посто-

С. 41

янные, временные стационарные, переносные), но и разнообразные хозяйственные постройки. Не стоит при этом забывать, что даже во многих культурах неоседлых охотников и рыболовов люди строили достаточно многочисленные и довольно большие помещения для хранения добычи, других припасов или орудий труда, то есть стационарные хозяйственные постройки имеют место далеко не только у земледельческо-скотоводческих групп населения. Кроме того, значительный труд вкладывается порой в прокладку троп и дорог, особенно в горах или в болотистой местности - достаточно вспомнить памирские овринги или полесские гати.

Таким образом, тот пласт явлений культуры, который обычно скрывается под понятием "поселение", чаще всего состоит не только из жилых помещений, но и из хозяйственных построек самого разного назначения, которые в не меньшей мере определяют облик и функции поселения и потому не могут исключаться из анализа именно как составная часть поселения. Однако зачастую хозяйственные постройки находятся и вне постоянных поселений. К тому же, несмотря на давнюю традицию этнологов изучать жилище вместе с поселением, экологически значимые функции жилища мало или почти никак не зависят от его расположения в пределах поселения, но определяются ориентацией по сторонам света, особенностями местности, занятой поселением в целом, и характеристиками самого жилища - его размерами, системой обогрева, материалом и конструкцией стен, крыши, пола и потолка и т.п.

Наконец, постоянные поселения как таковые присутствуют далеко не во всех культурах народов мира, но зато культура расселения, частью которой и являются поселения, представляет собой универсальное (общечеловеческое) явление. Поэтому нельзя

не согласиться с объединением культуры расселения с той частью культуры, которая характеризует хозяйственную деятельность человека, ведь как у неоседлых, так и у оседлых народов выбор места под стоянку или постоянное поселение определяется прежде всего наличием и доступностью природных ресурсов, за счет которых эти люди живут, а также соображениями безопасности и некоторыми другими социокультурными причинами.

Что касается оптимального термина для обозначения данного понятия, то “культура природопользования и расселения” в силу целого ряда причин лучше подходит на эту роль, нежели, например, предложенная Ю.И. Мкртумяном¹³ “культура первичного производства”.

С одной стороны, в традиционной культуре термин “первичное производство” отражает по сути то же самое явление, что и “природопользование”, поскольку объектом трудовой деятельности человека в ней выступают природные ресурсы. Так что предлагаемая замена термина почти ничего не убавляет в содержательном отношении, но зато акцентирует внимание исследователя на природно-ресурсном потенциале и способах использования освоенной и заселенной изучаемой этнокультурной группой территории. Кроме того, данный термин позволяет гораздо легче отделять эту часть человеческой деятельности от “вторичного производства”, идущего в рамках культуры материального жизнеобеспечения¹⁴ и связанного с обработкой или переработкой уже изъятых из природного окружения материалов и предметов.

С другой стороны, и это более существенно, предлагаемая терминологическая новация позволит специалистам гораздо большее внимание уделять таким первостепенной важности эко-

логическим аспектам хозяйственной деятельности человека, как ее воздействие на ресурсную базу и освоенные ландшафты в целом, состояние эксплуатируемых природных ресурсов, степень (не)рациональности существующих приемов природопользования, и т.п. Последние, кстати, вполне можно игнорировать при изучении “первичного производства”, анализируя лишь труд, его производительность и масштабы производства продукции, но практически невозможно обойти при изучении “природопользования”.

Культуру природопользования при этом можно определить как сумму знаний и умений, а также орудий труда и иных приспособлений (например, обустроенных водных источ-

¹³ Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса ..., с. 44.

ников в районе пастбищ, или оросительных каналов), позволяющих найти и добыть (использовать) природные ресурсы в размерах, адекватных потребностям соответствующей группы населения. Очевидно, что при таком определении эта универсальная часть культуры человечества органично связана именно с культурой расселения, составляя с ней одно целое.

Таким образом, если согласиться со сказанным и принять приведённые выше предложения, то традиционную культуру любой этнокультурной группы можно представить в виде единого и взаимосвязанного целого, состоящего из четырёх основных компонентов. Каждый из этих базовых компонентов культуры выполняет принципиально разные функции в организации жизни человека и включает в свой состав материальные (вещественные) и нематериальные явления культуры:

- 1) культура природопользования и расселения [хозяйство и система расселения, определяющие отношение человека к природным ресурсам и пространству; в неё входят знания о природных условиях и экологических рисках для жизни, здоровья и хозяйственной деятельности на освоенной территории; орудия тру-

С. 44

да и иные приспособления (типа колодцев у кочевников в полупустынях), знания и навыки, необходимые для эксплуатации природных ресурсов освоенной территории и для первичного производства материалов, из которых затем готовится пища, строятся жилища и хозяйственные постройки и т.п.; транспортные средства и устройства на дорогах (вроде мостов), знания и навыки, необходимые для передвижения по освоенной территории и для выбора мест временных стоянок или локализации поселений; знания и навыки по планировке поселений или стоянок и отдельных хозяйственных дворов и по размещению хозяйственных построек по освоенной территории];

- 2) культура материального жизнеобеспечения [пища, одежда, жилище, определяющие положение человека в вещественно-энергетических связях, в том числе воздействие на него природно-климатических условий; она включает в себя знания и навыки по воспроизводству и использованию пищи, одежды и жилища, внутренней планировке жилых помещений и т.п.];
- 3) соционормативная культура [обычное право, мораль и этика, определяющие поведение человека по отношению к другим людям в семье, общине, обществе; к ней относятся, наряду с нормами морали и обычного права, возрастные и гендерные нормы поведения, в том числе правила взаимоотношений между супругами и детьми, принципы организации

---

¹⁴ См. подробнее: Арутюнов С.А. Культура жизнеобеспечения и ее место ..., с. 202.

власти в сообществе и т.д., а также правила взаимодействия членов хозяйственного коллектива в процессе поиска и добычи природных ресурсов и при перераспределении получаемой продукции];

- 4) гуманитарная культура [мифология и религия, народное искусство, народные исторические представления о происхождении мира, человечества и данного сообщества, которые определяют то, как человека осознаёт своё место в мире, в том числе

С. 45

по отношению к предкам и к другим этнокультурным сообществам, помимо названных элементов, этот компонент культуры может также включать в себя представления о сакральных участках на освоенной территории, идеи о мифологической связи данного сообщества с определенными явлениями природы, животными или растениями и т.п.].

Видимо, народные санитарно-гигиенические и медицинские знания в основном входят в культуру материального жизнеобеспечения как, например, правила лечебного питания при определённых недомоганиях или способы лечения травами и другими веществами, требования к гигиене жилища и личной гигиене, традиции обустройства и использования бань и т.п.

Институт брака, отношение к деторождению и к возможности добровольного ухода из жизни, вероятно, включаются в соционормативный компонент культуры, ибо представляют собой социально детерминированные явления и определяют прежде всего взаимоотношения между людьми.

В понятийно-терминологический аппарат этноэкологических исследований традиционных культур стоит также ввести понятие “моделей освоения территории”, или моделей культурной адаптации¹⁵ - оседлой, неоседлой, переменнo-оседлой. Являясь важнейшей и первичной характеристикой культуры природопользования и расселения, модель освоения территории во многом предопределяет и другие компоненты традиционной культуры, в особенности материальное жизнеобеспечение и соционормативную культуру.

Оседлая модель освоения территории предполагает существование постоянных поселений, в которых люди проживают непрерывно на протяжении смены нескольких поколений (считает-

С. 46

---

¹⁵ Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология ..., с. 111.

ся, что поколения сменяются примерно через 20-25 лет), что, однако, не исключает возможности дальних и достаточно долговременных отлучек части работоспособных членов хозяйственного коллектива. Эта модель начинала складываться при появлении развитого рыболовства в долинах крупных рек, чаще всего с сезонным ходом лососевых рыб (как, например, на тихоокеанских побережьях северных районов Евразии и Северной Америки), а также при морской охоте в Субарктике, где опять-таки имеют место сезонные миграции вдоль побережий морских млекопитающих (моржей, китов). Естественно, законченное оформление и наибольшее распространение она получила при комплексном земледельческо-скотоводческом хозяйстве, но также может существовать и в условиях высокогорий с абсолютным преобладанием скотоводства в хозяйстве.

Неоседлая модель освоения территории предполагает, что население меняет место стоянки чаще одного раза в год. Данная модель - исходная для человека как вида *Homo sapiens*, и именно она была типична для тропических охотников и собирателей. Однако своего наивысшего развития эта модель культурной адаптации, как и предыдущая, достигла уже после становления производящего хозяйства (то есть в первую очередь такой отрасли, как скотоводство) и возникновения кочевничества. Кстати, освоение транспортного животноводства сообществами охотников и рыболовов тайги тоже способствовало резкому увеличению их сезонной подвижности.

Переменно-оседлая модель освоения территории означает, что население меняет место поселения реже одного раза в год, но чаще, чем идет смена поколений. Эта модель свойственна, например, большинству групп населения, ведущего традиционное подсечно-огневое земледелие в тропических странах.

С. 47

Модели освоения территории определяют важнейшие характеристики этноэкосистем, являясь одним из ведущих оснований для их классификации. О месте концепции этноэкосистемы в этнической экологии удачно сказал И. Козлов в статье, обосновавшей необходимость развития этого нового научного направления и раскрывшей его проблематику - ещё тогда он сформулировал в качестве главных задач этноэкологии “изучение ... закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем”¹⁶. Вспомним, что концепция этноэкосистемы базируется на том факте, что все традиционные¹⁷, т.е. доиндустриальные со-

¹⁶ Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии ..., с. 8.

¹⁷ О различиях между традиционными (доаграрными и аграрными) и современными (индустриальными и постиндустриальными) обществами см. подробнее: Ямсков А.Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология: Закон и жизнь. М.: изд. “Стратегия”, 2000, с. 174-179.

общества-общины (хозяйственные коллективы) полностью зависят от природных ресурсов освоенных ими территорий в плане обеспечения своих членов пищей и материалами для одежды и жилищ, будь то непосредственно или через производство продукции для товарообмена с соседними сообществами.

Данная концепция первоначально появилась под именем “антропогеоценоза” благодаря работе В.П. Алексеева, который трактовал его как систему, “структурными компонентами” которой являются “хозяйственный коллектив, его производственная деятельность, эксплуатируемая территория”¹⁸. При этом ведущими характеристиками хозяйственного коллектива В.П. Алексеев считал численность и демографическую структуру, а производственную деятельность описывал через знания и навыки его чле-

С. 48

нов, их орудия труда и производительность трудовой деятельности. Специального анализа эксплуатируемой территории он не дал, но поскольку указанные выше компоненты “объединены функциональными связями - информационным полем, энергетическими импульсами, пищевыми и производственно-хозяйственными цепями”, то становится очевидным представление о ней как об участке физико-географической среды с определенными природными условиями и ресурсами - источниками сырья для производства пищи и элементов материальной культуры (жилищ, одежды, орудий труда и т.п.)¹⁹.

Позже И.И. Крупник несколько дополнил данную модель и частично видоизменил терминологию, введя вместо “антропогеоценоза” термин “этноэкосистема” и предложив рассматривать в качестве компонентов последней “хозяйственный коллектив, освоенную территорию, популяции домашних животных, хозяйственно-бытовой инвентарь”. Он обратил основное внимание на анализ вещественно-энергетических связей изучаемого сообщества со средой, проявляющихся в форме пищевых цепей, и на изучение хозяйственной деятельности, обеспечивающей функционирование этих пищевых цепей²⁰.

---

¹⁸ Алексеев В.П. Антропогеоценозы - сущность, типология, динамика // Природа, 1975, № 7, с. 20; см. подробнее: Алексеев В.П. Становление человечества. М.: Политиздат, 1984, с. 374-384.

¹⁹ Алексеев В.П. Антропогеоценозы - сущность, типология ..., с. 21, 23.

²⁰ Крупник И.И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: К методике изучения этноэкологических систем. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М.: Институт этнографии, 1977; см. подробнее: Крупник И.И. Арктическая этноэкология ..., с. 24-25.

Наконец, предложенная Л.Н. Гумилевым модель “этноценоза” включала в качестве основных компонентов «людей, домашних животных, культурные растения, освоенный ландшафт»²¹.

Полагаю, что существует возможность, несколько уточнив и дополнив существующие взгляды, предложить обобщенную мо-

С. 49

дель этноэкосистемы²², в которой более четко отражено место и состав культурных традиций хозяйственного коллектива, обеспечивающих его адаптацию к условиям географической среды и влияющих на состояние последней.

Итак, структуру этноэкосистемы можно представить как взаимосвязанные материальные (хозяйственный коллектив, освоенная территория, популяции домашних животных, культивируемые растения) и комплексный (культура хозяйственного коллектива) блоки, причем взаимодействия материальных блоков друг с другом как минимум опосредуются, а часто и определяются культурой²³.

Хозяйственный коллектив характеризуется численностью и половозрастным составом населения, а также его основными медико-демографическими показателями (рождаемость и смертность, заболеваемость и причины смертей), миграционным обменом с соседними сообществами (обычно при заключении браков), плотностью населения и демографической нагрузкой на трудоспособных членов. По определению хозяйственный коллектив – это община (или союз общин), члены которой совместно контролируют освоенную территорию и как минимум координируют свои действия по эксплуатации её природных ресурсов.

Освоенная территория описывается по следующим важнейшим параметрам: общая и экологически эффективная (т.е. ре-

С. 50

ально используемая в хозяйственных и иных целях) площадь, с учётом характера и локализации её границ, природные условия, влияющие на хозяйство и здоровье населения; эко-

---

²¹ Гумилев Л.Н. Этносы и природная среда // Рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды. Вып. 3. Л., 1980, с. 24-29.

²² См. также: Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология ..., с. 111-112; Ямсков А.Н. История развития концепции этноэкосистемы в отечественной этноэкологии и характеристики её структурных блоков // Экология древних и современных обществ. Доклады конференции. Вып. 2. Тюмень: изд. ИПСО СО РАН, 2003, с. 271-273.

²³ Ямсков А.Н. Отгонно-пастбищное скотоводство. Опыт этноэкологического и типологического исследования (на примере хозяйства народов Кавказа в конце XIX - начале XX в.). Ав-

гические риски для хозяйственной деятельности, жизни и здоровья; используемые природные ресурсы, с учетом их общих запасов и, в случае биоресурсов, темпов воспроизводства; сезонная доступность природных ресурсов и влияние на их состояние и доступность 11-летнего цикла динамики природных экосистем. Важной характеристикой освоенной территории являются также антропогенные изменения ландшафтов и используемых природных ресурсов (например, деградация биоты вследствие перепромысла либо перевыпаса скота).

Домашние животные как компонент этноэкосистемы характеризуются, с одной стороны, видовым и породным составом, соответствующей численностью и половозрастной структурой, темпами ежегодного прироста, потребностью в кормах и их составом, основными причинами и размерами периодических потерь поголовья, а с другой – различного рода показателями продуктивности или хозяйственной эффективности (будь то выход мяса или кожи при забое одной головы, среднегодовой настриг шерсти или надой молока, возможное тягловое усилие при использовании для пахоты или транспортировки грузов, и т.д.).

Культивируемые растения описываются по видам и сортам, с учетом их агроклиматических свойств и потребностей в плодородии почв и влагообеспеченности, основных причин неурожая или гибели растений, а также по урожайности, необходимой доле семенного фонда в урожае, масштабах и причинах потерь семян и запасов получаемой продукции.

В рамках описанного выше подхода, опирающегося на концепцию этноэкосистемы, изучение экологических функций раз-

С. 51

личных элементов традиционной культуры означает исследование того, как именно эти элементы культуры организуют взаимодействия между основными материальными блоками этноэкосистемы. Например, в случае этноэкосистемы кочевников-скотоводов, не занимающихся земледелием, можно говорить о следующих основных взаимосвязях: хозяйственный коллектив - освоенная территория, домашние животные - освоенная территория, хозяйственный коллектив - домашние животные. В этом контексте культурная адаптация есть оптимизация определяемых данной культурой взаимосвязей между материальными блоками этноэкосистемы, что в случае успешной адаптации означает достижение некоего равновесного, т.е. устойчивого в экологическом смысле слова, состояния рассматриваемой этноэкосистемы, которое может сохраняться неограниченно долгое время.

Понятие культурной адаптации - центральное для этноэкологии, и оно несомненно требует значительно большего внимания, чем представленные ниже короткие комментарии.

Для начала можно отметить, что в предложенной выше понятийно-терминологической системе изучение культурной адаптации фактически означает исследование механизмов и результатов функционирования культуры природопользования и расселения, культуры материального жизнеобеспечения и той части соционормативной культуры, которая определяет взаимоотношения между людьми в процессе природопользования и регулирует отношение людей к природным ресурсам и к ландшафтам освоенной территории.

Именно так в сущности трактовал изучение культурной адаптации еще в 1955 г. основоположник американской культурной экологии Джулиан Стюард, хотя он, естественно, и не использовал тогда приведенные нами выше термины либо их аналоги. Дж. Стюард в этих целях ввел понятия “культурное ядро” (или

С. 52

технологический базис культуры) и “периферийные элементы культуры” и считал, что только первые обеспечивают адаптацию к условиям географической и социальной среды²⁴.

Кстати, еще до возникновения в США культурной экологии, в отечественной этнологии стали определять хозяйственно-культурные типы (ХКТ) фактически по тем самым элементам культуры, которые, согласно Дж. Стюарду, входят в состав ядра культуры - по особенностям природопользования (или “хозяйства”), расселения (точнее, “образа жизни”) и материального жизнеобеспечения (то есть “материальной культуры”). Одновременно с этим считалось, что комплексы культуры, свойственные народам определенной историко-культурной области (ИКО), складываются в основном из элементов гуманитарной и соционормативной (по той терминологии - “духовной”) культуры²⁵, то есть периферийных элементов культуры по Дж. Стюарду. Таким образом, налицо фактически параллельное и независимое развитие научных концепций в отечественной и американской науке, хотя, естественно, при различиях в используемых терминах.

Ныне можно сделать вывод, что через концепцию ХКТ раскрывается культурная дифференциация человечества, являющаяся следствием неоднородности физико-географических условий на земной поверхности, которые приводят к различным результа-

---

8-9; см. также: Ямсков А.Н. История развития концепции этноэкосистемы ..., с. 271-273.

²⁴ Steward J.H. Theory of Culture Change // International Encyclopedia of Social Sciences. Ed.: D.L. Sills. New York, 1968, vol. 4, pp. 337-344; см. также: Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. Ред.: Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. М.: Наука, 1989, с. 94-95.

²⁵ См. точку зрения авторов обеих концепций: Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // СЭ, 1955, №4, с. 3-17.

там культурной адаптации, т.е. к появлению разных ХКТ. Концепция ИКО отражает культурную дифференциацию челове-

С. 53

чества, являющуюся следствием вариаций в пространственно-временных условиях взаимодействия между отдельными народами (т.е. различий в их пространственной близости и в длительности культурных контактов между ними), которые приводят к различным результатам - возникновению достаточно мощного общего пласта культуры в границах одной ИКО и к почти полному отсутствию общих культурных явлений у народов из различных, особенно из пространственно отдаленных друг от друга, ИКО²⁶.

В этноэкологических исследованиях культуру можно понимать прежде всего как средство и результат внебиологической групповой адаптации к условиям окружающей среды²⁷. Как известно, адаптация человека складывается из биологической (т.е. морфофизиологической) и культурной, причём ведущую роль играет именно последняя.

Культурная адаптация может трактоваться как процесс (накопление в культуре адаптивных свойств) или как результат (достигнутый уровень адаптированности)²⁸. Таким образом, в первом случае культурная адаптация есть процесс накопления в культуре группы населения таких отдельных явлений или их особенностей, которые повышают шансы этой группы на выживание и устойчивое воспроизводство в процессе смены поколений в данных условиях окружающей среды при сохранении (этно)культур-

С. 54

ной идентичности и самосознания членов группы. Культурная адаптация, рассматриваемая как некий достигнутый результат, может определяться как комплекс отдельных явлений культуры или их особенностей, свойственных группе населения, которые обеспечивают выживание и устойчивое воспроизводство этой группы в процессе смены поколений в данных условиях окружающей среды при сохранении (этно)культурной идентичности и самосознания членов группы.

---

²⁶ См. подробнее: Ямсков А.Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара "Культурный ландшафт". М.: изд. МГУ, 2003, с. 69-70.

²⁷ Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология ..., с. 105, 110.

²⁸ О подобном двойственном смысле термина "адаптация", но на примере социальной адаптации индивида к группе или группы к другим группам см.: Алексеев В.П. Человек: эволюция и таксономия (некоторые теоретические вопросы). М.: Наука, 1985, с. 120.

Как следует из сказанного выше, адаптивные изменения культуры отличаются от дезадаптивных тем, что первые улучшают медико-демографические показатели соответствующего сообщества (т.е. увеличивают рост населения и улучшают состояние его здоровья), в вторые - напротив, ухудшают. О дезадаптации как состоянии определенного сообщества с традиционной культурой можно, видимо, говорить лишь при начавшихся депопуляции (превышении смертности над рождаемостью) и/или явном ухудшении параметров популяционного здоровья, как это, например, происходит во время голода или эпидемий.

Одним из трагичных примеров полной дезадаптации и вымирания этнокультурной общности служит судьба колонистов-норманнов из Исландии и Норвегии, которые довольно плотно заселили южное и юго-западное побережья Гренландии в конце X - XI вв., но из-за начавшейся в Северном полушарии с XIII в. эпохи похолодания климата эти поселения и их жители исчезли к концу XIV в.²⁹. Однако параллельно шёл процесс заселения этих территорий Гренландии двигавшимися с севера и северо-запада эскимосами, культура которых оказалась гораздо более приспособленной к условиям Арктики. Другой пример дезадаптации

С. 55

даёт нам история “загундренных крестьян” - русских поселенцев на юге Таймыра, поддерживавших почтовое сообщение между низовьями Енисея и Лены, которые после того, как их ямская служба на Хатангском тракте закончилась в связи с его закрытием, были практически полностью поглощены к концу XIX в. формировавшейся тогда новой местной этнокультурной группой - якутоязычными долганами.

В культурной адаптации человека также можно условно выделить пассивные (приспособительные, то есть обусловленные условиями окружающей природной среды) и активные (приспосабливающие условия среды обитания к потребностям человека) составляющие³⁰.

На примере русской крестьянской колонизации Восточного Закавказья, то есть территории современного Азербайджана, эта особенность культурной адаптации проявляется весьма ярко. С одной стороны, чисто приспособительные адаптивные изменения культуры природопользования и расселения можно увидеть в том, что в 1840-ые - 1860-ые гг. имело место массовое переселение крестьян в среднегорья Большого и Малого Кавказа с умеренным климатом, где на протяжении середины - конца XIX в. существовали 18 горных селений. Молокане за это время полностью покинули часть предгорно-равнинных селений (11

---

²⁹ Вагнер Б.Б. Идущие к горизонту. Книга 2. Пути великих мореплавателей. М.: изд. Флинта - Наука, 1999, с. 21-24.

³⁰ Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология ..., с. 110.

из когда-либо существовавших в этих условиях на всём протяжении XIX в. 22 сел) и активно выезжали из тех, которые всё же в итоге сохранились. Ведущей причиной была очень высокая смертность от малярии и желудочно-кишечных заболеваний в непривычных для них условиях субтропического климата предгорий и равнин. В горах же заболеваемость и смертность были намного ниже, а почвенно-климатические условия хотя и существенно снизили

С. 56

урожайность хлебов, но зато позволили отказаться от орошения полей и дали возможность летом пасти скот на присельских выгонах с невыгоравшей травой. Совокупный эффект естественного и миграционного движения населения привёл к тому, что горные молуканские селения демонстрировали гораздо более высокий прирост населения: в 1844-1886 гг. он составил 315% в горных и 140% в равнинных селах, в 1886-1897 гг. - соответственно от 12% до 18% в горных и только 8% в равнинных селениях³¹.

Но исследования процессов культурной адаптации русских крестьян-молукан в Восточном Закавказье высветили и активные, преобразовывавшие природную среду составляющие в их культуре природопользования и расселения. Так, на землях Ивановки (среднегорья Малого Кавказа) в период 1885-1912 гг. крестьяне за счёт расчистки лесо-кустарниковых зарослей и вырубki ещё остававшихся горных лесов на 27% увеличили площадь пашни и на 124% - сенокосов, выросла при этом и площадь сельских пастбищ³². Впрочем, процесс сведения лесов для расширения площади пахотных угодий типичен для всех земледельческих групп населения. Но в некоторых других русских селениях Восточного Закавказья молукане научились у соседей - оседлых азербайджанцев, армян и татов - подводить воду в село из удалённых горных источников закрытыми водоводами-кюрябьяндами длиной более километра, и практически повсеместно они построили на своих усадьбах небольшие оросительные системы для полива огородных культур, тем самым преобразо-

С. 57

---

³¹ Ямсков А.Н. Адаптивная эволюция системы расселения азербайджанских молукан в XIX - начале XX вв. // III конгресс этнографов и антропологов России. 8 - 11 июня 1999 г. Тезисы докладов. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999, с. 90.

³² Ямсков А.Н. Новоивановка: История селения и крестьянского хозяйства // Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. Часть 1. М.: Институт этнографии, 1990, с. 99, 101-102.

ывая условия водообеспеченности тех участков территории, что были ими выбраны под селения или огороды³³.

Сказанное выше свидетельствует и о возможной скорости адаптивных изменений в культуре, которая оказалась довольно высока в случае русских крестьян-переселенцев, высланных в Закавказье из Центрально-Черноземного региона России или добровольно ушедших туда за сосланными властями религиозными лидерами в 1830-ые - 1850-ые гг.. Так, уже через 10-20 лет после принудительного поселения молокан местной администрацией в предгорно-равнинных селениях с субтропическим климатом и самым высоким в регионе агропотенциалом началась трансформация их системы расселения, которая стала постепенно приходить в соответствие с особенностями и адаптационными возможностями русской крестьянской культуры. Это происходило путём выбора ходоками - посланцами крестьянских сельских обществ мест под новые села в среднегорной лесной полосе с умеренным климатом и последующего добровольного переселения в горы основной массы крестьян, как уже было сказано выше.

Ещё через 20-30 лет в горных молоканских селах произошло усвоение богатейшего опыта коренных народов Закавказья по выпасу скота на отдаленных (на 20-150 км) сезонных пастбищах, в первую очередь зимних, и одновременно резко усилилась роль скотоводства в крестьянском хозяйстве. Молокане полностью освоили отгон скота на зимние пастбища-кишлаги на равнине, устраивая там сезонно обитаемые скотоводческие "хуторки". Летом в ряде сел на субальпийские пастбища скот богатых крестьян отгоняли наемные чабаны из числа коренных народов (обыч-

С. 58

но азербайджанцев), с которыми в горы уходил и кто-нибудь из семьи скотовладельца, чаще всего - один из взрослых сыновей хозяина отары.

Наконец, примерно через 50 лет после своего появления в Восточном Закавказье русские крестьяне сумели успешно адаптироваться и к жизни на субтропических равнинах с их гораздо более высоким агропотенциалом и продуктивностью орошаемого земледелия. Это привело к опережающему росту численности жителей равнинно-предгорных сел из-за эффекта внутрорегиональных миграций и сглаживания различий в естественном приросте населения. Так, в 1897-1915 гг. прирост населения составил 190% в равнинных молоканских селах и от 130% до 150% в горных селах³⁴. Более того, после революции 1917 г. и земельной

³³ Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середина XIX - XX вв.) // СЭ, 1988, № 6, с. 39, 42.

³⁴ Ямсков А.Н. Адаптивная эволюция ..., с. 90.

реформы часть жителей горных селений добровольно выехала в свои равнинные зимние скотоводческие "хуторки", превратив их в новые русские селения и начав заниматься там земледелием, что ранее запрещалось царской администрацией, пытавшейся сохранить столь дефицитные в регионе зимние пастбища.

Итак, скорость появления принципиально важных адаптивных изменений в культуре русских крестьян-переселенцев оказывается соизмеримой со скоростью смены одного-двух поколений. Следовательно, по времени это примерно соответствует той стадии, когда начинается превращение усвоенной инновации в культурную традицию.

Приведённые выше примеры также наглядно свидетельствуют о неразрывной связи между расселением, в том числе локализацией поселений, с одной стороны, и хозяйством и природопользованием, с другой. Это лишний раз подтверждает обоснованность предложенного ранее включения поселений, равно как

С. 59

и системы расселения в целом, в тот компонент традиционной культуры, куда входит хозяйственная деятельность, а не в тот, куда обычно включаются одежда, пища и жилище.

В заключение можно отметить, что наряду с некоторыми вопросами, связанными с используемым понятийно-терминологическим аппаратом и частью освещёнными выше, в этноэкологических исследованиях культуры и культурной адаптации существуют и некоторые другие дискуссионные области. В частности, можно назвать историографию этой области знаний и, в частности, вопрос о месте в ней концепции хозяйственно-культурных типов (ХКТ), которая, по-видимому, все же является первым из ряда этапов развития этноэкологических исследований в нашей стране. Существует также проблема разграничения этнической экологии и культурной географии, например, в отношении исследований, выполненных с использованием концепции ХКТ либо посвященных вопросам пространственной организации хозяйственной деятельности.

Итак, существующие в отечественной этнологии и этноэкологии понятия, относящиеся к компонентному составу культуры и применяемые при изучении культурной адаптации, могут быть подвергнуты некоторой коррекции, что целесообразно отразить путём частичной модификации используемых терминов. Впрочем, сформулированные выше предложения - это скорее приглашение к дискуссии, нежели попытка дать исчерпывающее обоснование и трактовку этой части понятийно-терминологического аппарата этноэкологических исследований.

С. 60